

Моя первая работа - 1991 - 5 мая

ФИАЛКИ ИЗ ПРОШЛОГО

УНИКАЛЬНУЮ фотографию прислала в «МК» Зоя Ивановна Полякова. А еще письмо:

«Уважаемые товарищи!

Посылаю Вам групповую фотографию сотрудников газеты «Московский комсомолец», где в 1929 году работал О. Э. Мандельштам.

Перед вами — прощальная фотография: в январе 1930 г. газета была закрыта. По этому поводу и был сделан прилагаемый снимок. Осип Эмильевич (он в нижнем ряду третий справа) был сотрудником отдела литературы и искусства; в его обязанности входило и придумывание «шапок».

Время было сложное: эпоха раскулачивания, начало первой пятилетки, подборки шли категоричные, с разоблачением «классовых врагов», особенно в среде молодежи, чтобы не проникали в вузы дети священников, кулаков, купцов... Куда было ему, утонченному, поэтически мыслящему человеку сочинять крикливые «шапки», составленные из газетных штампов! Поэтому он часто не «попадал в анализ», и его творения не всегда принимались с первого захода.

Он был хорошим товарищем молодежи, в коллективе его уважали. О нем ходили всевозможные рассказы о его неприхотливости в быту, аскетическом образе жизни.

Эта фотография, думаю, добавит еще один, может быть, мало известный штрих к биографии О. Э. Мандельштама.

Зоя Полякова, член Союза журналистов СССР.

НЕ ПЕРЕДАТЬ, как обрадовалась милая Зоя Ивановна звонку из «МК» — из ее юности, потом и моему приходу

к ней. На добром лице зацвели фиалковые глаза. Она так жалеет, что почти никого, кроме Мандельштама, не может назвать по фамилии.

— В первом ряду — знаю точно — заведующие отделами. Рядом с Осипом Эмильевичем — ответственный секретарь, кажется, Холмогоров.

Сама Зоя Ивановна — в третьем ряду в полосатом джемпере. Улыбается. Видно, эта жизнерадостность и хранила ее все трудные годы.

Очень хотелось услышать от Зои Ивановны что-то еще о Мандельштаме.

— В наших молодых глазах он был старик. Но мы не позволяли себе снисходительного отношения к нему — относились с почтением.

— Знали ли вы его стихи?

— Мы и не догадывались — стихов своих он в редакции не читал. Внешне он выглядел спокойным. Нам казалось, что он даже несколько высокомерен — голову держал высоко! Мы знали, что где-то они ютились, что-то снимали. Говорили, что у них дома была кровать, два стула и стол. Привычная наша бедность.

— Зоя Ивановна, а как вы начинали?

— Мой учитель — Николай Федорович Погодин, знаменитый драматург. Тогда он был журналистом «Правды». Я работала машинисткой в газете «Рабочий край» в Иваново-Вознесенске. Он приехал в командировку. Перепечатывая его статьи, я иногда делала ему замечания по стилистике. Когда он вернулся в Москву, то однажды прислал мне письма, адресованные Михаилу Кольцову, знаменитому фельетонисту «Правды». Я подготовила эти читательские письма для печати. И Пого-

дин решил, что я могу писать сама. Я сделала несколько очерков для «Огонька» о жизни фабрик нашего города...

В «МК» меня приняли секретарем деревенского отдела.

— Так и назывался отдел?

— Да, попросту — деревенский.

— А сколько вам тогда платили?

— Сорок рублей. Гонорары маленькие. Иногда их вовсе не было.

— Что можно было купить на эти деньги?

— Разве что соевую сметану. А больше нечего было покупать. В редакционном буфете — только соевые продукты.

— А где находился «МК»?

— На улице Горького, в здании, где потом был театр Ермоловой. Тогда там находились какие-то учреждения и несколько наших редакционных комнат.

— Кто из сотрудников «МК» потом стал знаменитым?

— Только Мандельштам. В тот период, по-моему, там были одни новички.

— А энтузиазм в разоблачении «врагов» вы проявляли?

— Конечно. Но в душе было жалко людей, которых исключали из вузов, иногда с последних курсов. Но нельзя было выразить свое настроение открыто... О том, о другом писать было нельзя — приходилось все согласовывать... Ну что это за работа! — воскликнула Зоя Ивановна совсем так же, как мы иногда восклицаем.

— До свидания, милая Зоя Ивановна, на страницах вашего и нашего родного «МК».

Наталья ДАРДЫКИНА.